

Ибрагимов Муса Муслиевич

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Комплексного научно-исследовательского института
имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ПРОЦЕССЕ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА В УСЛОВИЯХ СТАЛИНСКОЙ ДЕПОРТАЦИИ

Аннотация:

В статье на основе архивных источников, преимущественно впервые вводимых в научный оборот, анализируются проблемы взаимоотношений между властью и верующими чеченцами в период сталинской депортации. Подчеркивается, что стремление власти использовать мусульманское духовенство в своих целях наталкивалось на сопротивление со стороны так называемых «неподдающихся» мулл и религиозных авторитетов, которые строго стояли на страже традиций и обычаев чеченского народа. Рассматриваются неправомерные судебные преследования представителей чеченской интеллигенции и духовенства со стороны органов советской власти в местах спецпереселения.

Ключевые слова:

депортация, чеченские спецпереселенцы, ислам, религиозная деятельность, антисоветская деятельность, сохранение традиций, обычаи.

Ibragimov Musa Muslievich

D.Phil. in History, Professor,
Chief Researcher,
Complex Research Institute of
the Russian Academy of Sciences

THE ROLE OF RELIGION IN THE PROCESS OF SURVIVAL OF THE CHECHEN PEOPLE UNDER STALIN'S DEPORTATION

Summary:

Based on archival sources for the first time introduced into scientific discourse, the article analyzes the problems of relations between the authorities and the Chechen believers during Stalin's deportation. It is emphasized that the desire of the authorities to exploit the Muslim clergy was resisted by the so-called "unapproachable" mullahs and the religious authorities who strictly reinforced the traditions and customs of the Chechen people. The study reviews the illegal prosecution of representatives of the Chechen intellectuals and clergy on the part of Soviet government authorities in the special resettlement area.

Keywords:

deportation, Chechen special settlers, Islam, religious activity, anti-Soviet activity, preservation of traditions, customs.

Прошло более 70 лет со времени насильственного переселения чеченского и ингушского народов в Казахстан и Киргизию, но воспоминания об этих трагических днях до сих пор живы в душах людей, переживших это событие. Проблема депортации волнует и исследователей – историков, философов, психологов, экономистов, юристов. Появляются монографии, статьи в научных журналах, воспоминания людей, переживших депортацию, в которых с различных сторон анализируются процесс выселения чеченского народа, моральные, социальные, экономические последствия этого события. Ведутся острые дискуссии в средствах массовой информации. Однако, несмотря на большое количество публикаций, отдельные стороны жизни и деятельности спецпереселенцев не получили должного освещения в литературе. Недостаточно исследований, раскрывающих их повседневную жизнь, в том числе религиозную деятельность, быт и досуг. Имеются лишь несколько работ, посвященных трудовой и общественно-политической деятельности спецпереселенцев [1].

В исторической памяти чеченского народа навсегда останутся и депортация 1944 г., и ее трагические последствия. В это суровое время жесточайшей проверке подвергались все истинно человеческие качества людей, сила их убеждений, верность традициям, искренность и глубина вероисповедания. Большинство чеченцев, оказавшихся в этой тяжелейшей ситуации, не отошли от присущего им образа жизни, где главенствующее место принадлежало мусульманской религии. Именно в религии люди искали и находили утешение, поддержку, солидарность, чувство принадлежности к сообществу. Власть не слышала их и не понимала, жестоко подавляя любое стремление к свободе и счастью.

Но люди никогда не теряли надежду на осуществление справедливости и возвращение в родные места. Считалось, что весьма почитаемый в народе шейх Кунта-Хаджи еще в середине XIX в. предсказал, что страдания чеченцев прекратятся и заживут они счастливо и свободно только после того, как окажутся под протекторатом Англии или Турции. Ожидание этого события оставляло надежду на будущее, и в молитвах своих они просили Всевышнего ускорить наступление этого обстоятельства. НКВД, получая информацию через своих многочисленных агентов, внимательно отслеживал подобные слухи и пытался жестко пресекать каналы их распространения. Народный комиссар внутренних дел Казахстана Н. Богданов в докладе наркому внутренних дел СССР от 12 апреля 1944 г. писал, что в Карагандинской области «спецпереселенка Ахматова

Решака говорила в кругу чеченцев..., что в Караганде проживает казахский святой, который проведет предстоящее возвращение чеченцев и ингушей при помощи Турции на родину. Присутствовавшие при этом чеченцы и ингуши устроили моление за здоровье турецкого правительства, несущего им освобождение» [2].

Для усиления своего влияния и выявления антисоветских настроений спецпереселенцев властные структуры пытались привлечь на свою сторону религиозных авторитетов, а также бывших высокопоставленных государственных чиновников.

Как докладывал начальник отдела спецпереселений НКВД СССР М. Кузнецов в октябре 1944 г., «для оперативно-чекистского обслуживания спецпереселенцев Северного Кавказа создан агентурно-осведомительный аппарат в количестве 7 262 человека, в том числе: резидентов 123, агентов 215 и осведомителей 6 924» [3]. Но даже такого количества осведомителей, по мнению спецслужб, было недостаточно. Руководство НКВД Казахской ССР докладывало Л.П. Берии, что «работу по увеличению агентурно-осведомительной сети среди спецпереселенцев за счет новых вербовок продолжаем с тем, чтобы в ближайшее же время агентурой и осведомлением охватить все места расселения спецпереселенцев и обеспечить активную разработку из их среды вражеских элементов» [4].

Вначале была надежда на использование бывших руководящих работников Чечено-Ингушской АССР. Однако бывшая советская элита была разочарована большевистской властью, которая так жестоко репрессировала народ, которым они управляли, стремилась восстановить утраченный авторитет, реабилитировать себя в глазах соотечественников. Для этого они были заодно с духовенством и сами старались «закрепить религиозный фанатизм и родовые традиции в быту чеченцев и ингушей» [5].

Органами госбезопасности Казахстана в 1950 г. разрабатывалась группа бывших высокопоставленных чиновников ЧИАССР в составе Хаси Вахаева, Сутьяна Моллаева, Муслима Гайрбекова и др., которые, по сведениям министра госбезопасности республики А. Бызова, «в своем большинстве злобно антисоветски настроены, высказывают резкую обиду на свое выселение, связывают свои надежды на возвращение к местам прежнего жительства с гибелью советской власти...». Далее А. Бызов констатирует, что даже среди чеченских и ингушских коммунистов довольно широко распространены «высказывания озлобленности на совершенную по отношению к чеченскому и ингушскому народу несправедливость» [6].

Какие-то перспективы реального воздействия на чеченцев открывало использование религиозных и тайповых авторитетов, а не контроль над бывшей партийно-советской элитой. Были взяты на учет все муллы, кадии, шейхи, другие религиозные авторитеты, выявлены степень их лояльности и возможность привлечения на сторону власти. Органы НКВД выявили 951 духовного служителя, из них 657 мулл, 151 руководящий религиозный гражданин, 243 других религиозных авторитетов. Из общего числа взятых на учет к сотрудничеству с властями было привлечено 170 мулл и других религиозных авторитетов, которые, как отмечают спецслужбы, используя тексты Корана, способствовали оздоровлению политических настроений спецпереселенцев, улучшению их отношения к труду и укреплению хозяйственного обустройства. Такого рода сотрудничество поощрялось властями [7].

Учитывая авторитет мусульманского духовенства среди чеченцев и других репрессированных народов, исповедующих исламскую религию, органы МВД, как докладывал министр этого ведомства С. Круглов И. Сталину, принимали серьезные меры, чтобы оторвать лояльных к советской власти мусульманских священнослужителей от так называемой властями реакционной части духовенства и использовать их в интересах хозяйственного устройства и закрепления спецпереселенцев в местах поселения. Об успешности этой работы свидетельствуют, по мнению С. Круглова, следующие факты: в УМВД Семипалатинской области в сфере внимания оказалась группа чеченских богословов в составе 10 человек во главе с муллой Байсаровым. Эта группа пыталась наладить связи с местным казахским духовенством, чтобы совместно работать на подрыв хозяйственного устройства депортированных чеченцев и ингушей. В результате проведенной обработки группировка прекратила свою антисоветскую деятельность, а возглавлявший ее мулла Байсаров стал членом колхоза, вел активную агитацию среди спецпереселенцев за добросовестное отношение к труду.

В колхозе имени Ворошилова Карагандинской области «в результате использования духовного авторитета Умарова Хаджи была организована бригада из спецпереселенцев-чеченцев, которая держит первенство и имеет 20 человек стахановцев».

В Южно-Казахстанской области среди работающих в карьере «Союзформлитье» чеченцев и ингушей упала дисциплина труда, многие рабочие перестали выходить на работу. Тогда в карьер для поднятия трудовой дисциплины был отправлен религиозный авторитет Каимов. «В результате проведенной им работы рабочие-спецпереселенцы стали выполнять нормы выработки до 150–200 %» [8].

Но среди этих авторитетов были и те, на кого не влияли никакие доводы и обещания органов власти, кто категорически отказывался сотрудничать с ними, всячески поддерживал устоявшиеся обычаи и традиции, стремился закрепить и расширить религиозные верования чеченцев. Относительно их С. Круглов писал: «Наряду с использованием лояльно настроенного мусульманского духовенства наиболее враждебно настроенные и ведущие подрывную работу муллы, при наличии изобличающих материалов, подвергаются аресту и привлекаются к уголовной ответственности» [9].

С особой беспощадностью органами НКВД пресекалась деятельность традиционных чеченских мюридских братств. Она приравнивалась к контрреволюционным преступлениям и каралась с особой жестокостью. Квалифицируя это деяние как антисоветскую пропаганду и деятельность, на чеченцев завели огромное количество уголовных дел. По этой статье, как правило на 25 лет лагерей, осуждали и за жалобы в присутствии других людей на тяжелые жизненные условия спецпоселения, и за выражение тоски по потерянной Родине и надежды на ее повторное обретение, и за молитву Аллаху об облегчении участи, и за многое другое подобное.

Вот яркий образец организованного таким образом дела в отношении троих престарелых жителей города Темиртау Карагандинской области Салмана Сатуева, Ахмеда Эльбаздукаева и Усмана Газиева, младшему из которых было 67 лет. На основании свидетельских показаний их обвинили в том, что, «используя свой религиозный авторитет среди мусульманского населения, из числа чеченцев и ингушей на протяжении 1946–1951 гг. организовывали сборища, на которых под прикрытием отправления религиозных обрядов вели антисоветскую, националистическую агитацию, распространяли всевозможную клевету в адрес советской власти, дискредитировали проводимые коммунистической партией и правительством мероприятия» [10].

В чем на самом деле проявлялась антисоветская деятельность этих людей, становится понятным при ознакомлении с показаниями свидетелей на суде. Один из них, некий Магомед Т., рассказывал, что в марте 1950 г. в доме спецпереселенца Дикаева Эльбаздукаев говорил, что «мы все здесь стали безбожники, не стали молиться богу, забыли свою религию. Молодежь надо заставить молиться богу». Другой свидетель, Магомед Ц., сказал: «В феврале 1947 г. все обвиняемые собрались на обед. За обедом Газиев заявил, что мы не будем голосовать, что советская власть выбирает безбожников, за кого мы должны голосовать, мы не знаем. Его поддержал Сатуев и заявил, что при советской власти живем плохо, во всем нуждаемся. Молодежь тоже испортили. Молодежь надо учить, чтобы они ненавидели безбожников-коммунистов» [11]. Обвиняемые в сентябре 1951 г. были приговорены к стандартным 25 годам лишения свободы.

По такому же основанию были осуждены уроженцы села Махкеты Веденского района Хазир Хакимов и Магомед Лорсаникаев, а также уроженец села Нашхой Галанчожского района Юсуп Лобазанов, проживавшие в поселке Майкаин Баян-Аульского района Павлодарской области. Вина чеченцев, с точки зрения суда, заключалась в том, что они «еще в бытность своего жительства на Кавказе примыкали к религиозному мусульманскому течению – секте Кунта-Хаджи. После переселения в Казахстан устраивали среди выселенцев Северного Кавказа нелегальные религиозные сборища, на которых, используя религиозные предрассудки масс, обрабатывали их в антисоветском духе, призывали присутствующих молиться богу о скорейшем избавлении от советской власти» [12]. Фигуранта этого дела Лобазанова обвиняли в том, что он требовал от чеченцев строго соблюдать законы шариата, т. е. не посещать культурно-просветительные учреждения, не отмечать советские праздники и т. д. В уголовном деле есть показания свидетеля Ахмеда К.: «1 мая 1950 г. около дома Аубакирова я беседовал с Аубакировым. Он был выпившим. К нам подошел Лобазанов и стал ругать Аубакирова, что он празднует советские праздники, даже напился пьяным. Аубакиров на это ему ответил, что он советский человек и празднует советские праздники. Лобазанов набросился на него с кулаками и закричал, что он должен праздновать религиозные праздники, а не советские» [13]. Все трое были приговорены к 10 годам заключения.

Приведенные выше документы и факты весьма убедительно и ярко показывают, насколько трудным и ответственным был для чеченского народа период депортации. В то же время благодаря своим духовным лидерам, опыту предшествующих поколений, истинной и искренней вере народ вышел из этой трагедии непокоренным сталинской диктатуре, сохранил свои вековые традиции и жизненные устои, стремление к счастью и справедливости.

Ссылки:

1. См.: Еремекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы. Алматы, 2009. 506 с. ; Ибрагимов М.М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение (1940–1950-е гг.). Грозный, 2015. 272 с. ; Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик, 2008. 436 с.
2. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 241.

3. Там же. Л. 275.
4. Там же.
5. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 738.
6. Там же. С. 805.
7. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 378–380.
8. Вайнахи и имперская власть ... С. 791–792.
9. Там же. С. 792.
10. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 32244. Л. 10.
11. Там же. Л. 11–12.
12. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 26971. Л. 23.
13. Там же. Л. 26.